

DOI: 10.31857/S013038640025910-9

© 2023 г. Т.Л. ЛАБУТИНА

РОССИЯ В ВОЙНЕ ЗА ЧУЖИЕ ИНТЕРЕСЫ: ПЕРЕГОВОРЫ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ О СУБСИДНЫХ КОНВЕНЦИЯХ 1747 года

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Аннотация. В 1740–1748 гг. в Европе шла война за Австрийское наследство, в которой приняли участие Пруссия, Франция, Великобритания, Австрия и ряд других стран, преследовавших своей целью завоевание территорий как в Европе, так и за ее пределами. В 1748 г. в войну вступила также Россия, которая не имела подобных задач. По сути дела, Россия оказалась втянута в войну Великобританией, с которой она подписала три субсидные конвенции в 1747 г. Речь шла об использовании англичанами русского военного корпуса в обмен на выплату денежных субсидий. Свидетелем событий, а также одним из главных участников переговоров по конвенциям был британский посол Дж. Гиндфорд. Опираясь на оригинальный источник (донесения посла при русском дворе госсекретарю Великобритании), автор впервые детально анализирует процесс переговоров, показывая их внутреннюю «кухню», основываясь на депешах дипломата, что позволяет определить, какую позицию занимала каждая из сторон и какие цели преследовала. Обращается внимание на сложный характер переговоров, трудности, с которыми приходилось сталкиваться дипломатам обеих стран при обсуждении ряда вопросов (порядок выплаты и размер субсидий, выбор командирского состава, расходы на продовольствие и лечение военных из состава русского корпуса и др.). Как показал анализ донесений Гиндфорда и депеш госсекретаря, упорство в достижении целей, преследование исключительно собственных интересов, твердость позиции, а также шантаж и подкуп — все это использовала британская дипломатия в переговорном процессе. В свою очередь, русское правительство, в лице императрицы Елизаветы Петровны и канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, настойчиво и последовательно отстаивало интересы России. Благодаря заключению субсидных конвенций, обеспечивших поддержку Британии и Нидерландам, война за Австрийское наследство вскоре завершилась, однако Россия от нее ничего не выиграла.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, война за Австрийское наследство, Георг II, императрица Елизавета Петровна, А.П. Бестужев-Рюмин, посол Дж. Гиндфорд, двусторонние переговоры, субсидные конвенции 1747 г.

T.L. Labutina

Russia in War for Foreign Interests: Negotiations Between British and Russian Diplomats on the Subsidy Conventions of 1747

Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Abstract. In 1740–1748, the War of the Austrian Succession took place in Europe, which involved France, Britain, Prussia, Austria and a number of other countries seeking to conquer territories both within and outside Europe. In 1748, Russia, which had no such objectives, also entered the war. In fact, Russia had been drawn into the war by Great Britain through the signing of the three Subsidy Conventions of 1747. This involved the use of a Russian military corps by the British in return for the payment of monetary subsidies. The British Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, John Carmichael, 3rd Earl of Hyndford, was a witness to these events and also one of the principal negotiators of the conventions. Drawing on reports from the Ambassador to the Russian court to the British Secretary of State, the author provides the first detailed analysis of the negotiation process, showing its inner workings through the diplomat's reports, which allows one to determine which position each side took and what goals they were pursuing. Attention is drawn to the complex nature of the negotiations and the difficulties that diplomats on both sides had to face in negotiating a number of issues, including the manner and amount of subsidies, the choice of commanders, the cost of supplies and medical treatment for troops from the Russian corps, etc. This issue is addressed for the first time in historical scholarship. As analysis of both Hyndford's reports and the Secretary of State's dispatches demonstrates, persistence in pursuing objectives, the pursuit of one's own interests alone, firmness of position, as well as blackmail and bribery, were all used by British diplomacy in the negotiation process. In turn, the Russian government, represented by Empress Elizabeth Petrovna and Chancellor Alexey Bestuzhev-Rumin, persistently and consistently defended the interests of the Russian Empire. Through the subsidy conventions, which provided support for Britain and the Netherlands, the War of the Austrian Succession soon came to an end, but as a result Russia was not among the beneficiaries.

Keywords: Great Britain, Russia, War of the Austrian Succession, George II, Empress Elizabeth Petrovna, Alexey Bestuzhev-Ryumin, Ambassador John Hyndford, bilateral negotiations, subsidy conventions 1747.

«Мы должны пользоваться этой страной
(Россией) в наших интересах»
(из депеши британского посла Дж. Гиндфорда)

В 1740 г. в Европе разгорелась война за Австрийское наследство, в которую с 1748 г. оказалась втянута и Россия. Что этому событию предшествовало? Как данный конфликт затронул Российскую империю и Великобританию? Какие цели преследовала каждая из сторон в переговорах о субсидных конвенциях в 1747 г.? Ответам на эти и ряд других вопросов, связанных с участием России в войне, посвящена данная статья.

Напомним, что предпосылкой для начала войны послужила Прагматическая санкция 1713 г., согласно которой закреплялись нераздельность наследственных земель Габсбургов, а также порядок престолонаследия (в случае отсутствия сыновей у императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга престол должен был перейти к одной из его дочерей). Однако после смерти Карла VI (20 октября 1740 г.), не оставившего мужского потомства, наследственные права его дочери Марии Терезии стали оспариваться. О своих претензиях на австрийский престол заявили курфюрст Баварии Карл Альбрехт, испанский король Филипп V, а также прусский король Фридрих II. В ноябре 1740 г. Фридрих II высказал готовность признать законной правительницей Марию Терезию в обмен на уступку ему Силезии, но получил категорический отказ. 16 декабря 1740 г. прусская армия вторглась в Силезию. Так началась война за Австрийское наследство. У каждого из участников конфликта, за исключением России, имелись свои интересы и цели, направленные главным образом на завоевание территорий как в Европе, так и за ее пределами. Тем не менее Российская империя оказалась вовлеченной в войну. Как и почему это произошло?

В декабре 1740 г. Пруссия заключила союзный договор с Россией, затем последовало заключение аналогичных договоров с Францией и Баварией, что и позволило Пруссии беспрепятственно вторгнуться в Силезию. В результате Россия, как отмечали историки, оказалась «в двусмысленной ситуации союза с обоими враждующими государствами и

не могла активно противостоять этой агрессии, не нарушая при этом договора с Пруссией»¹. В первые годы конфликта России удавалось сохранять нейтралитет. Пруссия, воспользовавшись этим, вторглась в Саксонию и Богемию. В 1741–1743 гг. Россия вела войну со Швецией. Фридрих II отказал в военной помощи России в этом конфликте, как того требовал союзный договор, ссылаясь на то, что он не был ратифицирован. В результате русско-пруссские отношения заметно ухудшились. Летом 1744 г. Пруссия возобновила войну с Австрией, а спустя год нанесла ей и Саксонии серьезное поражение. Значительно продвинувшись в глубь Прибалтики, прусские войска стали угрожать северо-западным границам России. В этой связи императрица Елизавета Петровна 3 октября 1745 г. приняла решение оказать Саксонии военную помощь, передислоцировав войска общей численностью в 50 тыс. человек из Лифляндии и Эстляндии в Курляндию. 22 мая 1746 г. Австрия и Россия заключили союзный договор сроком на 25 лет. По его условиям предусматривалось оказание военной помощи (20 тыс. пехоты, 10 тыс. конницы) в случае, если союзник подвергнется нападению со стороны третьей державы. Осенью 1746 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Пруссией, а также с Францией. А в 1747 г. императрица подписала с Великобританией три субсидные конвенции (особый вид союзного договора, условия которого предусматривали содержание войск одной из договаривающихся сторон, предоставленных ей другой стороной). Подписание этих конвенций и союзного договора с Австрией ослабили позиции Пруссии и ее союзников. В январе 1748 г. русский корпус под командованием генерала князя В.А. Репнина двинулся через Германию к Рейну на помощь Англии и Голландии. Пруссия признала свое поражение. В октябре 1748 г. был подписан Ахенский мирный договор, завершивший войну за Австрийское наследство.

Поскольку российские войска не принимали непосредственного участия в боевых действиях, быть может, именно этим обстоятельством объясняется слабый интерес отечественных историков к данному событию? Во всяком случае, участие России в войне за Австрийское наследство не нашло должного освещения даже в академических изданиях 1994 и 2019 гг.² Впрочем, и сама война изложена в данных томах крайне лапидарно. Среди работ, посвященных непосредственно событиям войны за Австрийское наследство, можно указать труды А.М. Ардабацкой, Б.Л. Мотгомери, М.Н. Алексеевой, С.Г. Нелиповича и др.³ Об участии России в конфликте писали Н.Н. Яковлев, Ю.С. Медведев, М.Ю. Анисимов, Е.М. Собко⁴. Ученые единодушны во мнении, что, хотя Ахенский мирный договор и стал лишь временным перемирием и прелюдией к новой европейской Семилетней войне (1756–1763), Российская империя после завершения конфликта сумела укрепить свой статус в качестве одной из ведущих стран европейской политики. И, как утверждал американский историк Б. Рид, «силу этой гигантской восточной страны... стали... ощущать и в Версале, и в Лондоне»⁵.

Одним из свидетелей событий, связанных с войной за Австрийское наследство, а также активным участником переговоров о субсидиях в 1747 г. оказался британский посол

¹ Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860–1914 гг. // www.runivers.ru...v_voynе_zа_avstriyskoe_nasledstvo...gg (дата обращения: 09.12.2022).

² История Европы. Т. 4. История Нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 440–444; Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2019. С. 530–532.

³ Ардабацкая А.М. Из истории борьбы с прусской агрессией в 40-е гг. XVIII в. // Ученые записки Саратовского университета. Т. 66. Саратов, 1958; Ненахов Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. М., 2002; Мотгомери Б.Л. Краткая история военных сражений. М., 2004; Алексеева М.Н. Английская дипломатия в годы войны за австрийское наследство 1740–1748 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

⁴ Яковлев Н.Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997; Медведев Ю.С. Русско-английские отношения в середине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Анисимов М.Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны. 1741–1761 гг. М., 2020; Собко Е.М. Россия и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М., 2021.

⁵ Цит. по: Военные конфликты...

лорд Дж. Гиндфорд. Именно на его плечи легла подготовка и ратификация трех субсидных конвенций, заключенных Великобританией и Россией. О том, как это происходило, мы узнаем из депеш посла в Лондон. Но вначале несколько слов о самом дипломате. Джон Кармайкл, 3-й граф Гиндфорд (John Carmichael, 3rd Earl of Hynndford), родился 15 марта 1701 г. в Эдинбурге в семье бригадного генерала Дж. Кармайкла. Свою карьеру он начал в пехотном гвардейском полку, получив чин капитана в 1733 г. Он не был обделен и аристократическим «ростом»: виконт, граф, баронет, барон, пэр Шотландии. Впечатляли должности, которые занимал граф Гиндфорд: верховный комиссар Генеральной ассамблеи церкви Шотландии, лорд-лейтенант Ланкашира. С 1742 г. началась его дипломатическая деятельность. Вначале он был назначен послом в Пруссию. По-видимому, эта миссия оказалась успешной, что способствовало его возведению в звание рыцаря Чертополоха. После Пруссии Гиндфорд в должности посла прибыл в Россию, где провел около шести лет, с 1744 по 1750 г. В 1747 г. его избрали в парламент в числе 16 пэров от Шотландии. Таков был послужной список посла Великобритании, прибывшего ко двору императрицы Елизаветы Петровны.

В начале января 1746 г. в одной из депеш в Лондон Гиндфорд сообщал о подготовке России к войне с Пруссией. Императрица, писал он, «усердно» занялась изданием указов о ремонте, снабжении и вооружении галер, из Москвы подтягивается тяжелая артиллерия, мобилизованы 30 тыс. рекрутов и 40 тыс. казаков и калмыков. Для покрытия расходов на военные нужды потребовалось по всей империи значительно увеличить налоги. «Думаю, — писал Гиндфорд, — что она (императрица. — Т.Л.) предпринимает все это из предосторожности по отношению к королю прусскому, который за последнее время применяет по отношению русского двора выражения крайне непочтительные и даже угрожающие»⁶.

4 ноября 1746 г. Лондон направил лорду Гиндфорду зашифрованное послание с требованием немедленно войти «в самые секретные переговоры с русским двором о предоставлении ...корпуса русских войск, числом не более 30 тыс. человек, готовых... к походу или посадке на корабли для употребления в действие в тех пунктах и для тех целей, которые укажет его королевское величество»⁷. От посла требовалось выяснить, на каких условиях императрица могла бы предоставить этот корпус для действий на Рейне, Мозеле или в Нидерландах и какие требования она предъявит, если войска останутся в боевой готовности на границах Лифляндии. При этом госсекретарь просил Гиндфорда постараться заключить подобный договор на возможно «легких условиях».

2 декабря 1746 г. лорд Гиндфорд докладывал госсекретарю о своем разговоре с канцлером А.П. Бестужевым по поводу требуемого королем русского корпуса. По мнению канцлера, для посадки на корабли 30 тыс. человек потребуются все имеющиеся в России галеры, которые должны будут остаться в месте высадки войск, за неимением гребцов для обратного плавания. В результате императрица вынуждена будет построить вместо них новые галеры, что приведет к большим затратам, да и времени немного, чтобы успеть снарядить и вооружить эти галеры для защиты русских берегов. «Тогда я указал на возможность присылки королем транспортов в Ригу, Ревель и другие порты Курляндии для принятия войск на эти суда», — продолжал посол. На это Бестужев возразил: «Вы знаете, какие затруднения возникли бы при соглашении относительно ...нынешних судов ...и, кроме того, русские войска недолголюбивают моря, в особенности если не могут каждый вечер приставать к берегу, варить себе пищу». Тут Гиндфорд поинтересовался у канцлера возможностью сухопутного похода корпуса через Польшу с тем, чтобы за два зимних месяца он смог достигнуть Богемии. «Как кажется, эта мысль улыбнулась канцлеру, и я

⁶ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 1–2.

⁷ Там же. С. 119–120.

обещал доставить ему точный маршрут в случае, если и другие условия будут приняты», — заключал посол⁸. Примечательно, что для ускорения принятия желаемого договора Гиндфорд, по сути дела, стал шантажировать канцлера, заявляя, что, если русский двор не придет к скорому согласию с королем, у него имеются в виду и другие войска, по поводу которых он начнет переговоры.

Между тем на полях сражений французы активно атакывали англичан, и, естественно, британская дипломатия все настойчивее начала добиваться принятия конвенции о вспомогательном корпусе. Гиндфорд признавал, что французский двор и его союзники «ничего так не боятся, как похода корпуса русских войск, и что, как скоро этот корпус ...получил бы приказ выступить в поход на Рейн или Мозель, Франция тотчас заговорила бы иным языком»⁹.

Как видно, англичане были крайне заинтересованы в заключении с Россией конвенции о вспомогательном корпусе. А для этой цели в ход шли любые средства, включая подкуп высокопоставленных чиновников, в том числе канцлера Бестужева, а также шантаж, что стало очевидным из переписки посла со своим руководством в Лондоне. Чтобы подтолкнуть Россию к скорейшему заключению конвенции, англичане пытались спровоцировать нападение русских на Финляндию и тем самым обострить конфликт со Швецией, чтобы русские затем ввязались в прямые военные столкновения. 16 января 1747 г. госсекретарь лорд Честерфилд потребовал от посла убедить русский двор направить войска в Финляндию, где шведов очень мало и они вряд ли смогут оказать даже самое незначительное сопротивление. Тем самым, продолжал госсекретарь, будет ослаблен союз Франции и Пруссии, в который пытаются привлечь и Швецию. Примечательно, что аналогичные предложения англичане делали России неоднократно¹⁰. При этом они не желали афишировать своих намерений относительно вовлечения России в конфликт со Швецией. «Король весьма близко принимает к сердцу, чтобы императрица ...по отношению к Швеции... употребила бы все свои силы для самых быстрых решительных мер, — писал госсекретарь, — однако в то же время король не желал бы ...какого-либо официального акта об этом ...который впоследствии мог бы быть предъявлен». Честерфилд просил посла, чтобы эта информация «когда-либо не обнаружилось», ибо сведения о ней могут вызвать «дурное впечатление» и привести к плохим последствиям¹¹. Однако, как показали дальнейшие события, из затеи англичан вовлечь Россию в войну со Швецией ничего не получалось.

Начавшиеся в конце 1746 г. переговоры британской и российской сторон по поводу предоставления англичанам вспомогательного корпуса русских войск поначалу шли, на взгляд Гиндфорда, вполне успешно. Посол надеялся, что Англия очень скоро получит корпус войск для действий против Франции сухим путем. «Хотя это и будет стоить дороже, чем морем, — пояснял посол, — но принесет больше пользы общему делу, чем содержание удвоенного числа войск на границах с Пруссией»¹². Гиндфорд также упомянул, что началось обсуждение кандидатур офицеров, которым предстояло командовать войсками. Он отмечал, что российская армия испытывает «сильный недостаток в опытных офицерах», и потому царица не допустит, чтобы лучшие из них покинули Россию. Бестужев предложил, чтобы корпусом командовал генерал-фельдмаршал П.П. Ласси, однако императрица не согласилась, утверждая, что он единственный, на кого она в случае необходимости может положиться. Гиндфорд же продолжал настаивать на кандидатуре Ласси. Примечательно, что британский посол обсуждал с канцлером кандидатуры и других офицеров, которым предстояло командовать корпусом, и всякий раз ему удавалось добиться назначения желательной ему кандидатуры.

⁸ Там же. С. 132–133.

⁹ Там же. С. 213.

¹⁰ Там же. С. 199.

¹¹ Там же. С. 230–231.

¹² Там же. С. 138–139.

Более сложным на переговорах оказался вопрос о размере субсидии. Послу стало известно, что русский двор намерен потребовать за свой корпус около 375 тыс. ф. ст. Помимо 36 тыс. человек пехоты, императрица предлагала предоставить еще 2 тыс. гусар и 2 тыс. драгун, которые, на взгляд Гиндфорда, являлись для Англии «совершенно излишними». Посол сетовал, что возникло еще одно затруднение, касающееся средств, помимо оговоренных субсидией, выделенных на снабжение войска мясом, хлебом, крупами, а также фуражом для лошадей¹³. Наиболее ожесточенные споры по вопросу субсидии развернулись между сторонами в 1747 г. 6 января лорд Честерфилд направил Гиндфорду депешу, в которой советовал использовать для большей сговорчивости императрицы (чтобы она в своих требованиях была «умеренна и разумна») напоминание о существующем между государствами оборонительном договоре 1741 г. Согласно его условиям, король при нападении на свои владения (речь шла о Ганновере) имел право требовать от императрицы оказания ему военной поддержки, либо выплаты ежегодной суммы в 100 тыс. ф. ст.¹⁴ Однако императрица не исполнила ни одного из этих обязательств. «Это послужит вам аргументом для облегчения условий, выставленных русским двором, — писал госсекретарь Гиндфорду, — ибо, хотя король формально и не предъявлял царице своих требований... но вышеупомянутое право короля остается в силе, и обращение его к императрице с предложением последнего договора ...является со стороны короля лишь одолжением императрице». Исходя из этого, продолжал лорд Честерфилд, король надеется, что субсидия будет исчислена «самым справедливым и умеренным образом»¹⁵.

В ответном письме Гиндфорд сообщал, что русский двор получил из Парижа информацию: прослышав о переговорах по поводу корпуса войск, «очень убедительно и в самых смиренных выражениях» французы просили русского посла ходатайствовать перед императрицей, чтобы она не уступала своих войск для действий против их короля. Взамен Франция готова была предложить за «нейтралитет и бездействие» императрицы такую же субсидию, о какой она ведет переговоры с английским королем. Эта новость не на шутку взволновала британского посла. «Вы видите, как необходимо во что бы то ни стало скорее заключить какой-либо договор с русским двором», — писал он госсекретарю, тем более что императрица убеждена, что король согласится на ее требования, и уже отдала приказ трем полкам двинуться в Курляндию. «Через несколько недель вся армия будет в движении», — заключал Гиндфорд¹⁶.

Аргументы посла не были услышаны в Лондоне. Лорд Честерфилд писал Гиндфорду, что король готовится к будущей кампании и ему предстоят большие затраты, так как армия Великобритании во Фландрии должна насчитывать 140 тыс. человек. В этой связи король вряд ли согласится взять русское войско к себе на жалованье. Скорее всего, он предоставит «умеренную субсидию» за войска, находящиеся на границах Курляндии и Лифляндии. В последующей депеше госсекретарь передал Гиндфорду приказ короля предложить императрице за 30-тысячный корпус «окончательно» 100 тыс. ф. ст. Хотя король и считал указанную сумму «вполне достаточной за требуемую услугу», тем не менее он понимал, что императрица может на нее не согласиться. Поэтому Георг II предпочитал скорее ограничиться корпусом в 20 тыс. человек, нежели увеличить денежную выплату и оставить все войска в Лифляндии «в состоянии бездействия». Госсекретарь также полагал, что предложенная субсидия в 100 тыс. ф. ст. за корпус войск, который уже находится там, где ему и должно быть, явится «выгодной сделкой» для России.

Однако русский двор так не считал. 11 марта 1747 г. посол посетил канцлера, с которым подробно обсудил все пункты подготовленного договора о корпусе. Гиндфорд застал

¹³ Там же. С. 159–160.

¹⁴ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // *ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы.* 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65.

¹⁵ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 176.

¹⁶ Там же. С. 191–192.

канцлера в дурном расположении духа. Бестужев передал послу жалобы императрицы на громадные издержки, которые она понесла, чтобы произвести набор армии и привести ее в состояние готовности для поддержки короля и его союзников, а взамен получила холодный ответ. К сказанному канцлер прибавил, что, если бы императрица пожелала, она могла бы получить 400 тыс. ф. ст. от Франции единственно лишь за сохранение нейтралитета. Как видно, Бестужев хорошо понимал, чем можно повлиять на ускорение принятия решения английским правительством. Беспокоили англичан также интриги Пруссии, которая вместе с Францией и Швецией планировала заключить тройственный союз и привлечь к нему Россию. Все это побуждало Великобританию добиваться скорейшего передвижения русского корпуса к границам ее противников.

В конце марта 1747 г. лорд Гиндфорд докладывал госсекретарю, что получил от канцлера меморию и контрпроект для пересылки в Лондон. «Они (русские. — *Т.Л.*) не могут до сих пор успокоиться от разочарования в той большой субсидии, которую ожидали», — признавал посол¹⁷. Он надеялся, что императрица согласится уменьшить размер субсидии на полмиллиона за 50 тыс. рекрутов, но будет настаивать на обеспечении армии рационами и порциями, за исключением тех мест, где войска смогут снабжать себя сами.

Вскоре Гиндфорд получил от госсекретаря указ короля о предоставленных ему полномочиях заключить с русским двором «этот важный договор». Вместе с тем Честерфилд требовал от посла не соглашаться на выплату субсидии за весь календарный год, поскольку корпус войск предполагает начать подготовку к выступлению лишь с середины года. «Ваше превосходительство от имени его величества должны упорно настаивать на службе этих войск в продолжение целого года со времени подписания вами конвенции, — наставлял посла Честерфилд, — и король желает даже, чтобы в крайнем случае вы угрожали им прекратить все переговоры»¹⁸.

Подобное распоряжение короля вызвало большое недовольство русского двора. При беседе с канцлером, которого посол застал «в таком большом волнении, как никогда не видел его за все время знакомства», Гиндфорд узнал, что императрица возмущена отказом короля субсидировать ее корпус в течение года. Ради пользы общего дела, продолжал канцлер, она с большими для себя затратами около двух лет содержала свои войска на границах, но теперь у нее наконец-то открылись глаза, и она немедленно отзовет свои войска и расквартирует их во внутренних областях империи при гораздо меньших затратах. Ну, а в будущем императрица будет лучше знать, как вести переговоры с англичанами. Посол выслушал канцлера «со своим обычным хладнокровием» и заявил, что субсидный договор не может иметь обратной силы, а выплата должна последовать со дня ратификации. После этих слов Бестужев бросил на пол документ с изменениями контрпроекта и заявил: «Клянусь Богом, 12 000 человек, которые... уже выступили в Курляндию, немедленно будут отозваны, и таким образом... императрица сохранит себе войска и затраты по отправке галер, которые готовы уже комплектоваться числом, указанным в проекте»¹⁹. На этом собеседники, недовольные результатом беседы, расстались.

Последней каплей, подтолкнувшей Лондон к завершению подписания конвенции о субсидии, явилась информация о заключении и подписании тройственного союза между Францией, Швецией и Пруссией и желании его участников пригласить присоединиться к нему русскую императрицу. 12 июня 1747 г. в Петербурге была подписана первая русско-английская союзная субсидная конвенция, которая явилась, по сути дела, дополнением и дальнейшим развитием союзного договора, заключенного между Англией и Россией. По условиям субсидной конвенции, Россия была обязана выставить на границах с Лифляндией корпус в 30 тыс. человек (20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы) и

¹⁷ Там же. С. 251.

¹⁸ Там же. С. 280.

¹⁹ Там же. С. 308–309.

от 40 до 50 галер в портах Курляндии. Великобритания, в свою очередь, единовременно выплачивала России 100 тыс. ф. ст. на содержание войска²⁰.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку, так как эпопея с субсидным договором завершилась. Однако в конце августа 1747 г. Георг II обратился к императрице с просьбой о заключении новой субсидной конвенции. «В настоящее время я имею удовольствие сообщить вашему сиятельству, — докладывал посол Честерфилду, — что вопрос касательно второго корпуса в 30 000 человек, предназначенного для употребления на Рейне или во Фландрии, решен»²¹. Указанный корпус предполагалось использовать главным образом во Фландрии, и потому Голландия должна была взять на себя половину расходов на субсидию и содержание русских войск. 19 ноября 1747 г. конвенция была подписана, но войска императрицы не спешили выступать в поход. Причиной тому были все еще существующие осложнения в переговорах. Прежде всего у сторон возникли споры по поводу снабжения войск. Гиндфорд информировал госсекретаря, что сложно убедить императрицу доверить своим генералам отвечать за обеспечение продовольствием войск, поэтому морские державы должны своевременно озаботиться о комиссарах для снабжения. Король был готов договориться с голландцами о своей доле в издержках в случае использования войск во Фландрии, но если их отправят на Рейн, то желательно, чтобы подобные расходы взял на себя венский двор. Наконец, издержки по снабжению корпуса при движении через Польшу должна покрыть императрица²². Как видно, сами англичане попытались уклониться от обязательства по снабжению корпуса продовольствием.

Тем не менее вопрос об уступке морским державам второго корпуса в 30 тыс. человек был решен русским двором положительно, что порадовало короля. 7 октября Гиндфорд и голландский посол Шварц подали канцлеру проект договора между королем, императрицей и Генеральными Штатами о корпусе войск с некоторыми изменениями. В зашифрованной депеше Честерфилд разъяснял послу, что англичан устроит, если второй русский корпус в 30 тыс. человек будет «в полном наличном составе, вооружен и готов выступить в установленное время». Что же касается расходов на общее содержание этого корпуса морскими державами, то послу будут сообщены принятые меры. Примечательно, что госсекретарь предполагал: подобные меры вызовут споры при переговорах «с таким корыстолюбивым, заносчивым и недоверчивым двором, как русский»²³.

И действительно, русская сторона высказала ряд замечаний по проекту второй конвенции, с которыми теперь уже не согласился король. Георг II, во-первых, высказал свои возражения по поводу руководства вторым корпусом. Если русские предлагали сделать его самостоятельным, независимым от главнокомандующего союзной армией, то англичанам это представлялось невозможным. Во-вторых, король не желал принимать на себя расходы по содержанию корпуса в случае, если голландцы не смогут оплатить свою часть субсидии. Цель подобного соглашения, как утверждал Честерфилд, заключалась в том, чтобы сделать короля раз и навсегда «ответственным за все, что совсем неуместно, так как эти переговоры начаты с его величеством и республикой во всем на общих и равных условиях»²⁴.

В свою очередь, русский двор довел до сведения британского посла, что императрица, помимо оговоренной субсидии в 100 тыс. ф. ст., ожидает от короля выплаты еще 300 тыс. ф. ст. на продовольствие для войск. Подобные требования Гиндфорд расценил как «чрезвычайные». Бестужев же на это отвечал, что если этот корпус войск потребуется к походу, то он будет состоять не из 30 тыс. человек, а из 70 тыс. Примечательно, что во время беседы с канцлером посол не стал сообщать ему о намерении шведов послать в Финляндию дополнительно еще 5 тыс. человек, полагая, «русские поспешат занять скорее княжество

²⁰ История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. С. 99.

²¹ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 383.

²² Там же. С. 384–385.

²³ Там же. С. 417.

²⁴ Там же. С. 423–424.

Финляндское, а императрицу могут убедить не давать морским державам войск, получить которые мы теперь желаем»²⁵. Опасения лишиться желанного корпуса вновь возникли у посла, когда он узнал о реакции императрицы на сообщение из Лондона от графа Чернышева, что король и парламент, несомненно, согласились бы на большую субсидию, чем та, которую она потребовала. Елизавета Петровна была очень огорчена данным известием, поскольку потеряла немало средств для подготовки корпуса. Возможно, этим обстоятельством объяснялось выдвинутое ею требование уплаты англичанами 100 тыс. ф. ст. «единовременно и тотчас после обмена ратификаций». Однако посол, следуя рекомендациям своего двора, продолжал настаивать на своем способе уплаты до тех пор, пока будет рассчитывать на «малейшую возможность одержать верх».

Король велел послу после подписания конвенции, не дожидаясь обмена ратификаций, потребовать от России немедленной отправки второго корпуса в поход в Нидерланды. Если же Гиндфорд заметит у русского двора «малейшие признаки желания замедлить ...движение этих войск», то Георг II может посчитать себя не обязанным ратифицировать конвенцию²⁶. Как бы то ни было, но 19 ноября 1747 г. договор был подписан, причем, по словам Гиндфорда, «на самых лучших условиях», какие ему удалось добиться от русского двора. Россия предоставляла Англии и Голландии 30-тысячный вспомогательный корпус с вооружением и артиллерией на два года за ежегодную субсидию в размере 300 тыс. ф. ст. Указанный договор, по признанию российских историков, означал втягивание России в военные действия в Европе²⁷.

Подписание конвенции не исключило тем не менее споров в дальнейших переговорах двух сторон. Если англичанам удалось отстоять пункт о непризнании независимого командования русским корпусом, то в вопросе о продовольствии для своих войск императрица была непреклонна. «В вопросе о пайках, а в особенности же о порциях, здешний двор зашел по отношению к нам чересчур далеко, — признавал Гиндфорд, — ибо в своих статьях о сене, крупе и соли он обязал нас гораздо более, чем венский двор по последнему договору»²⁸. Британская сторона возражала также против того, чтобы Англия и Голландия гарантировали обе вместе и каждая в отдельности уплату субсидии. Однако канцлер Бестужев заявил, что императрица не захочет признать Нидерланды равной договаривающейся стороной, поскольку между ними и ее двором не существует никакого договора. Гиндфорду ничего не оставалось, как согласиться на условия русского двора.

Не прошло и месяца со дня подписания второй англо-русской конвенции, как король Великобритании обратился к императрице с предложением о заключении очередной субсидной конвенции, продлевавшей срок действия первой. Третья субсидная конвенция была подписана 9 декабря 1747 г. Особый интерес в ней представляла секретная статья, согласно которой русские войска, расположенные на границе Лифляндии, должны были быть использованы для защиты от Пруссии Ганновера или владений Австрии. В депеше в Лондон Гиндфорд обращал внимание на то, что императрица согласилась на секретную и секретную статью, предполагавшую, если Пруссия нападет на короля и его союзников, немедленную атаку наблюдательного корпуса на нее. «По моему скромному мнению, милорд, — писал посол Честерфилду, — статья эта стоит всей остальной конвенции и так важна для общего дела»²⁹.

Чем же объяснялась важность данной статьи? Оказывается, уменьшением размера субсидии при увеличении численности корпуса. Если возникнет необходимость привлечь корпус к военным действиям, пояснял Гиндфорд, то его доукомплектуют еще 30 или 40 тыс. человек, «не установленных по конвенции», а кроме того будут добавлены 40 или 50 галер. «Поэтому, если русский двор потребует сравнительно большую субсидию, чем за 30 000 человек, и даст нам вдвое более, чтобы сразу нанести удар, то в таком

²⁵ Там же. С. 429.

²⁶ Там же. С. 447.

²⁷ История внешней политики России. XVIII век. С. 99.

²⁸ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 461.

²⁹ Там же. С. 469.

соотношении это будет весьма дешево», — заключал посол³⁰. Позже выяснилось, что общая численность русского корпуса составила 40 598 человек, помимо персонала, обслуживающего полевую артиллерию.

И все же британская сторона осталась недовольна тем, что в ряде случаев пришлось пойти на уступки русскому двору. «Я был обязан заключить договор на условиях, продиктованных этим двором, — жаловался Гиндфорд госсекретарю, — который вместо того, чтобы вести переговоры честно, насильно навязал нам свой ультиматум. Я вовсе не удивлен, что русские постарались возможно более из нас извлечь выгоды»³¹. Он объяснял свое согласие на подписание документа тем, что императрица грозила «порвать все», если посол не согласится на каждое из ее требований.

11 декабря 1747 г., т.е. спустя два дня после подписания документа, не дожидаясь его ратификации, русские войска уже были сосредоточены на границе. 25 декабря лорд Честерфилд извещал посла о ратификации королем субсидного договора и поздравлял его со счастливым и удачным завершением столь важных переговоров.

Приготовления к походу корпуса русских войск шли полным ходом. Как извещал свое руководство посол, генерал-фельдмаршал Ласси направил в Польшу комиссаров с 60 тыс. талеров для наполнения провиантских магазинов. Руководство Польши объявило, что оно не только согласно на проход этих войск, но даже снабдит их всем необходимым. Таким образом, все было готово для выступления, оставалось лишь получить оговоренные конвенцией деньги из субсидии. Однако здесь возникли затруднения: англичане не спешили с выплатой, что приводило российскую сторону в недоумение. Между тем свое возмущение несговорчивостью русского двора высказывал госсекретарь Великобритании. В зашифрованном послании лорду Гиндфорду от 12 января 1748 г. он заявлял, что в переговорах с русским двором английская сторона в действительности «имела дело с ростовщиками и вымогателями, расчеты которых и стремления к выгоде не имеют ни основания, ни пределов»³². Тем не менее императрица не уступала. Она дождалась ратификации договора Нидерландами.

Сообщение о ратификации договора Гиндфорд получил 22 января 1748 г. На следующий день он отправил депешу в Лондон, где сообщал, что приказ на выступление войск в поход отправлен. «Это — цвет всей русской армии», — писал он, характеризуя офицеров и нижних чинов³³. 28 января после ратификации договора английской стороной (императрица согласилась ратифицировать договор в марте 1748 г.)³⁴ корпусу был отдан приказ выступить в поход. «Теперь же считаю за особое удовольствие поздравить ваше сиятельство со счастливым окончанием этого полезного дела», — докладывал Гиндфорд госсекретарю³⁵.

В одной из депеш посол откровенно пояснял, какую выгоду англичане получают, используя русские войска. Он считал возможным «сразу, может быть, в одну кампанию или даже без боя» окончить эту продолжительную и требующую больших расходов войну. «Ибо я склонен думать, — продолжал посол, — что Франция, вместо того чтобы вновь пытаться тревожить его величество в его британских владениях... попросила бы мира ценой своих новых побед и своих колоний в северной Америке». Кроме того, продвижение русских убедит голландцев объявить войну Франции. А если императрица сможет набрать еще 50 тыс. рекрутов, которых будет содержать на границах Курляндии и Лифляндии в продолжение всей войны, что явится «достаточной угрозой шведам и пруссакам», то это

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 475.

³² Там же. С. 509.

³³ Там же. С. 511.

³⁴ Там же. С. 561.

³⁵ Там же. С. 514.

принесет некоторое «косвенное преимущество» для короля «при привлечении здешнего двора к участию в его интересах»³⁶.

Русские войска продолжали быстро продвигаться, чем приводили в восхищение англичан. Гиндфорд в депеше от 19 марта 1748 г. обращал внимание на то, что они делают переходы в течение пяти дней без всякого отдыха. Между тем, по мере продвижения русского корпуса к Рейну, все больше обозначались спорные вопросы между Россией и Англией и их союзниками, которые отчасти были вызваны, как отмечал в своей диссертации Ю.С. Медведев, «техническими» вопросами, а также отчасти изменением курса британской политики³⁷. Споры между сторонами по поводу снабжения русского корпуса продовольствием, начатые еще в августе 1747 г., продолжались и в последующие месяцы³⁸. Король категорически отказывался оплачивать его снабжение. В свою очередь, императрица утверждала, что не допустит двинуться ни одному солдату, пока не будет разрешен вопрос о содержании корпуса. Англичане попытались переложить оплату за снабжение войск на голландцев, когда была достигнута договоренность о заключении второй конвенции. Наконец, стороны пришли к следующему соглашению: за время прохода русских войск по территории Польши к границам Силезии продовольствие в размере 150 тыс. талеров им оплатит Голландия и 100 тыс. ф. ст. — Англия³⁹. В дальнейшем британская сторона взяла на себя голландскую часть выплат. Однако на этом споры не завершились. Так, военные комиссары, назначенные от морских держав в русский экспедиционный корпус, требовали, чтобы больные оставались при корпусе, а если они попадали в госпиталь, то их содержание там требовало дополнительной платы, которую должна была взять на себя российская сторона. По мнению же Петербурга, это противоречило 10 артикулу конвенции и платить должны были англичане. Между сторонами возникли также споры по поводу выдачи «сечки» — рубленой соломы, необходимой для конницы. Поскольку «сечка» не выдается ни английским, ни союзным войскам в Европе, то и Россия, утверждали англичане, не имеет права требовать ее включения в рацион⁴⁰. Споры между сторонами продолжались вплоть до 1749 г., пока русский корпус не встал на квартиры в австрийской части Силезии.

Противодействие Англии и России, как мы могли убедиться, возникали каждый раз и тогда, когда британская сторона настаивала на выдвигании русского корпуса в поход до уплаты субсидии. Российская дипломатия этому всячески противилась⁴¹. Примечательно, что, ведя переговоры о субсидных конвенциях, англичане не скрывали своих намерений и целей. Об этом совершенно откровенно высказался Гиндфорд: «Так как *мы должны пользоваться этой страной в наших интересах* (выделено нами. — *Т.Л.*), а не в ее, — писал посол в депеше 19 декабря 1747 г., — то и должны принимать ее (Россию. — *Т.Л.*) со всеми ее недостатками». В то же время, продолжал Гиндфорд, поскольку русский двор будет вовлечен в дело (читай, в войну), то он будет «более сговорчивым и деятельным»⁴². Главное, чтобы Россия, участвуя в военных действиях, защищала интересы Великобритании. Таким образом, стратегия и тактика британской дипломатии в переговорном процессе с Россией преследовала исключительно достижение интересов англичан. Мнение союзников в расчет не принималось.

Как бы то ни было, несмотря на все усилия англичан втянуть Россию в войну, императрица Елизавета Петровна себя воюющей стороной не считала. Она, как утверждал Гиндфорд, «лишь косвенно приняла участие в войне, доставив морским державам корпус

³⁶ Там же. С. 520.

³⁷ Медведев Ю.С. Указ. соч. С. 26.

³⁸ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 405–406.

³⁹ Там же. С. 433.

⁴⁰ Медведев Ю.С. Указ. соч. С. 27.

⁴¹ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 481, 485–488.

⁴² Там же. С. 490.

субсидных войск»⁴³. Тем не менее этого оказалось достаточным, чтобы повлиять на исход войны за Австрийское наследство. В июле 1748 г. корпус генерала В.А. Репнина численностью в 37 тыс. человек достиг района Верхнего Рейна. Появление русских войск резко изменило расклад сил. Король Франции Людовик XV приостановил военные действия. В сложившихся условиях у британской дипломатии отпала необходимость в русском корпусе и закономерно встал вопрос о целесообразности дальнейших выплат России. А вскоре воюющие стороны пришли к соглашению о мире. 18 октября 1748 г. в Ахене был подписан мирный договор. По его условиям утверждалась Прагматическая санкция и за Марией Терезией признавались права на австрийский императорский престол. Силезия была отдана Пруссии. Франция возвратила себе все территории, доставшиеся ей в ходе войны. Великобритания получила Мадрас в Индии. Россия оказалась, что называется, «не у дел». Ее даже не пригласили на подписание договора. По сути дела, миссию России в указанных событиях можно охарактеризовать как участие в войне за чужие интересы.

Что же в таком случае подвигло Россию пойти на заключение с Великобританией субсидных конвенций, а затем и вступить в войну? Как отмечал Ю.С. Медведев, Россия преследовала ряд конкретных целей. Во-первых, дипломатические – участие России в войне на стороне Англии ослабляло Францию, ее позиции в странах «Восточного барьера» (Порте, Швеции и Речи Посполитой), что было напрямую выгодно России. Во-вторых, деньги, получаемые от договоров, позволяли существенно увеличить доходную часть бюджета и таким образом поправить состояние казны. В-третьих, вступление России в войну означало разрыв с Францией и неизбежно приводило к отъезду французских дипломатов, что существенно могло ослабить «французскую партию» и профранцузские интриги при дворе⁴⁴. На наш взгляд, наиболее мотивированной причиной для подписания конвенций о субсидиях стали в первую очередь меркантильные соображения русского двора. О том, что императрица чрезвычайно нуждалась в деньгах, Гиндфорд упоминал не раз⁴⁵ и советовал своему руководству воспользоваться этим обстоятельством как можно быстрее.

В вовлечении России в войну за Австрийское наследство главная роль принадлежала британской дипломатии, сыгравшей на противоречиях нашей страны со Швецией, Пруссией и Турцией. Как бы то ни было, подписание союзного договора с Австрией и трех субсидных конвенций с Великобританией помешало агрессивной политике Пруссии и Франции в Европе, что способствовало завершению войны за Австрийское наследство. В то же время условия договора не только не устранили, но еще более обострили вражду между Австрией и Пруссией. Ахенский мир рассматривался в правительственных кругах Европы как временное перемирие, а враждующие державы усиленно искали себе союзников на случай новой войны, которая вскоре и началась.

Библиография

Алексеева М.Н. Английская дипломатия в годы войны за австрийское наследство 1740–1748 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005.

Анисимов М.Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны. 1741–1761 гг. М., 2020.

Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860–1914 гг. // www.runivers.ru...v_ouyne_zh_avstriyskoe_nasledstvo...gg (дата обращения: 09.12.2022).

Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898.

История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998.

⁴³ Там же. С. 563.

⁴⁴ *Медведев Ю.С.* Указ. соч. С. 23–24.

⁴⁵ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 33.

- Лабутина Т.Л.* Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65.
- Медведев Ю.С.* Русско-английские отношения в середине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Собко Е.М.* Россия и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М., 2021.
- Яковлев Н.Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 2000.
- Яковлев Н.Н.* Британия и Европа. М., 2000.
- Anderson M.S.* The War of the Austrian Succession. 1740–1748. London; New York, 1995.
- Reed B.* The War of the Austrian Succession. New York, 1994.

References

- Alekseeva M.N.* Anglijskaya diplomatiya v gody` vojny` za avstrijskoe nasledstvo 1740–1748 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [English diplomacy during the War of the Austrian Succession 1740–1748.: dis. ... candidate of historical sciences]. Bryansk, 2005. (In Russ.)
- Anisimov M.Yu.* Rossiya v sisteme velikix derzhav v czarstvovanie Elizavety` Petrovny`. 1741–1761 gg. [Russia in the system of great powers in the reign of Elizabeth Petrovna. 1741–1761]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Doneseniya i drugie bumagi anglijskix poslov, poslannikov i rezidentov pri russkom dvore s 4 yanvarya 1746 g. po 24 maya 1748 g. [Russian Historical Society reports and other papers of English ambassadors, envoys and residents at the Russian Court from January 4, 1746 to May 24, 1748] // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Т. 102. Sankt-Peterburg, 1898. (In Russ.)
- Istoriya vneshnej politiki Rossii. XVIII vek (Ot Severnoj vojny` do vojny` Rossii protiv Napoleona) [The history of Russia's foreign policy. 18th century (From the Northern War to the war of Russia against Napoleon)]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Labutina T.L.* Strategii i taktiki britanskoi diplomatii na peregovorakh o soiuзnom dogovore s Rossiei 1741 g. [Strategy and tactics of British diplomacy in negotiations on a joint treaty with Russia in 1741] // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы [LOCUS: people, society, cultures, meanings]. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65. (In Russ.)
- Medvedev Yu.S.* Russko-anglijskie otnosheniya v seredine XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk [Russian-English relations in the middle of the 18th century: dis. ... candidate of historical sciences]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Sobko E.M.* Rossiya i vojna za Avstrijskoe nasledstvo. 1740–1750 [Russia and the War of the Austrian Succession. 1740–1750]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Voenny`e konflikty`, kampanii i boevy`e dejstviya russkix vojsk 860–1914 gg. [Military conflicts, campaigns and military actions of Russian troops 860–1914] // www.runivers.ru... v_voynе_za_avstriyskoe_nasledstvo...gg (access date: 09.12.2022). (In Russ.)
- Yakovlev N.N.* Evropa nakanune Semiletnej vojny` [Europe on the eve of the Seven Years' War]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Yakovlev N.N.* Britaniya i Evropa [Britain and Europe]. Moskva. 2000. (In Russ.)
- Anderson M.S.* The War of the Austrian Succession. 1740–1748. London; New York, 1995.
- Reed B.* The War of the Austrian Succession. New York, 1994.